

Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании

В. Ю. Низамов¹, И. М. Егереv²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Адвокатский кабинет Егереv И. М., Адвокатская палата Московской области, Российская Федерация, 143964, Московская обл., Реутов, Комсомольская ул., 13–30

Для цитирования: Низамов, Вячеслав Ю., Иван М. Егереv. 2022. «Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 70–82. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.104>

В статье рассматриваются особенности реализации в следственной деятельности достижений криминалистической тактики, которые выражаются в разрабатываемых тактических приемах производства отдельных следственных действий. Тактические приемы достаточно давно являются предметом научного исследования, однако до настоящего времени нет единого подхода к данной научной категории. В частности, отсутствует единообразие в предлагаемых определениях этого понятия, критериях его допустимости и т. п. В криминалистической науке предложено достаточно большое количество различных оснований классификации тактических приемов. Одним из самых распространенных оснований деления тактических приемов является такой признак, как применяемый вид специальных наук, которые использовались при разработке этих приемов. В классификации по указанному критерию особое внимание уделено тактико-психологическим приемам, т. е. основанным на положениях психологии. Ряд тактико-психологических приемов закреплен в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, поэтому возникает необходимость разработки рекомендаций, учитывающих их психологическое содержание. Только при соблюдении данного условия будут достижимы установленные цели уголовного судопроизводства. Рассматриваются особенности применения тактико-психологических приемов при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания. Такие особенности обусловлены необходимостью обеспечивать охрану прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Указываются отступления от криминалистических рекомендаций, когда имеющиеся тактико-психологические приемы остаются нереализованными в связи с применяемым формальным подходом.

Ключевые слова: допрос, криминалистическая тактика, классификация тактических приемов, очная ставка, предварительное расследование, предъявление для опознания, следственное действие, тактико-психологический прием, тактический прием.

1. Введение

Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет, что соби- рание доказательств осуществляется через производство следственных и иных процессуальных действий. Существует достаточно подробная регламентация процесса производства следственных действий, однако криминалистическая наука

методично разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности и в конечном счете доказательственной результативности производства отдельных следственных действий. Именно эту задачу решает такой раздел криминалистики, как криминалистическая тактика.

Практическая реализация положений криминалистической тактики выражается в разрабатываемых тактических приемах производства отдельных следственных действий. Несмотря на то что тактические приемы достаточно давно являются предметом научного исследования, до настоящего времени отсутствует единый подход к данной научной категории. Так, отсутствует единообразие в предлагаемых определениях этого понятия, критериях его допустимости и т. п. В существующих определениях внимание заостряется на отдельных признаках указанного понятия, так как разные авторы по-разному видят его содержание, а потому подобные определения порой имеют существенные различия.

Тактика организации предварительного расследования по уголовным делам требует системного подхода с учетом психологических знаний и технологий. Авторы настоящей статьи ставят следующие задачи:

- рассмотреть понятия «тактический прием» и «тактико-психологический прием»;
- определить ряд актуальных вопросов в следственной практике, которые связаны с выбором тактики производства отдельных следственных действий.

Цель исследования — выявление и научный анализ проблемных аспектов применения тактико-психологических приемов в следственной практике.

Методологическую основу работы составляет диалектический метод как всеобщий метод познания, также использованы частные методы (логический, исторический, системно-структурный, формально-юридический). Теоретической основой исследования послужили частные криминалистические теории следственной ситуации, тактического приема и тактической операции и др.

2. Основное исследование

Основные подходы ведущих криминалистов к понятию «тактический прием», а также признаки этого понятия и его содержательные элементы проанализировал А. Ю. Головин. Он предложил собственное определение тактического приема: наиболее рациональный, целесообразный и эффективный способ действия лица, производящего расследование, в ходе отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также других мероприятий, направленных на решение задач по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательственной или иной криминалистически важной для дела информации (Головин 2002, 206–207).

Однако исследователь справедливо обратил внимание на то, что критерий «законодательного закрепления» тактического приема не отражает диспозитивности в выборе тактического приема. Таким образом, исключительное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве тактического приема в качестве единственного допустимого варианта производства следственного действия ограничивает свободу выбора модели поведения следователя в складывающейся следственной ситуации.

В связи с этим нужно отметить тенденцию, когда разрабатываемые в криминалистике подходы в тактике производства отдельных следственных действий реализуются в изменении уголовно-процессуального законодательства. В частности, действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (далее — УПК РФ) в ч. 8 ст. 193 допускает предъявление для опознания в условиях отсутствия визуального наблюдения опознающего опознаваемым в целях обеспечения безопасности опознающего. В связи с тем, что с течением времени в уголовно-процессуальном законе появляются нормы, фактически закрепляющие разработанные криминалистической наукой тактические приемы отдельных следственных действий, возникает вопрос о сохранении за такими приемами криминалистического значения. Фактически речь идет о законодательном признании подобных правовых норм тактическими приемами. Но теряют ли они смысл в качестве тактически вероятных действий, превращаясь в императивную уголовно-процессуальную форму?

Различные позиции по вопросу о сохранении криминалистического значения нормами закона, закрепившими тактические приемы, исследовал А. Р. Белкин. Он приводит мнение группы ученых, полагающих, что тактический прием не может обладать таким признаком, как обязательность его производства. В итоге даже наиболее эффективный способ действия при производстве следственного действия, отраженный в уголовно-процессуальной норме, уже не может быть указан в качестве тактического приема. Рассматривая различные подходы по указанной проблеме, А. Р. Белкин отметил, что, по мнению одной группы ученых-криминалистов, тактический прием не может иметь такой характерный признак, как обязательность производства (Белкин 1999, 345). Соответственно, в случае наличия законодательного требования совершения действий определенным способом подобный способ не может быть признан тактическим приемом (Васильев 1976; Винберг 1965). Иная группа криминалистов придерживается мнения о том, что даже преобразованный в уголовно-процессуальную норму тактически прием не утрачивает криминалистического содержания (Баев 1977; Белкин 2001, 203–218). Проведенный анализ обосновывающих доводов всех исследователей позволяет сделать вывод, что законодательно закрепленная регламентация тактического приема говорит о его соответствии поставленным целям и эффективности. Необходимость производства тактического приема в силу требований закона не отменяет сущности данного приема. В результате факт отражения тактического приема в действующем законе не переопределяет того, что тактический прием перестает быть таковым и становится одним из вариантов выбора следователем тактической модели производства следственного действия, только основанным на закрепленной уголовно-процессуальной норме. Данную позицию, на наш взгляд, подтверждает указание на то, что следователь «может» произвести следственное действие таким образом, но не «обязан».

Разделяя точку зрения на сохранение криминалистического содержания нормой закона, закрепляющей определенный тактический прием, О. Я. Баев отметил, что в подобном случае можно говорить о новой форме криминалистической такти-

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 14 октября, 2021. <http://www.consultant.ru>.

ки, являющейся процессуально закрепленной. В связи с этим он выделяет процессуально-тактические приемы, которые можно разделить на императивные и альтернативные (Баев 1977, 32).

К императивным процессуально-тактическим приемам относятся те, обязательность которых установлена в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Указанные приемы, в свою очередь, разделяются на приемы, которые имеют предписывающий и запрещающий характер. Предписывающий характер означает наличие требования об обязательном выполнении тактического приема в том виде, в котором он закреплен в законе. Подобный тактический прием закреплен в ч. 2 ст. 193 УПК РФ, в соответствии с которой при производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания, опознающие в обязательном порядке предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Запрещающий характер предопределяет обязательность отказа от выполнения определенных действий. Примером такой нормы закона служит запрет постановки наводящих вопросов при допросе (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Такой же запрет установлен и для производства предъявления для опознания (ч. 7 ст. 193 УПК РФ).

К альтернативным процессуально-тактическим приемам относятся те, которые закрепляют возможность их выполнения, но при этом признак обязательности отсутствует. В результате решение об их выполнении принимает следователь по собственному усмотрению в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Примерами таких процессуально-тактических приемов выступают следующие нормы: ч. 3 ст. 192 УПК РФ, закрепляющая право следователя предъявить вещественные доказательства и документы при производстве очной ставки; ч. 1 ст. 191 УПК РФ, предусматривающая право следователя по собственному усмотрению пригласить педагога или психолога при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет.

В криминалистической науке предложено достаточно большое количество различных оснований классификации тактических приемов. Одно из самых распространенных — такой признак, как применяемый вид специальных наук, использовавшихся при их разработке. Исходя из данного критерия, А. Н. Васильев предложил подобную классификацию, выделив тактические приемы: 1) применения логических методов; 2) психологии отношений следователя с участниками следственных действий; 3) организации расследования. Такая классификация, конечно же, несколько условна, так как в разработке тактических приемов могут быть использованы данные и иных наук (педагогика, кибернетика, науки управления). На это указывал и сам А. Н. Васильев, говоря о том, что за основу взяты именно предложенные науки, т. е. логика, психология и научная организация труда, так как именно они являются доминирующими при разработке тактических приемов (Васильев 1976, 33). Такое положение вполне логично, поскольку с самого начала своего развития криминалистика активно использовала результаты и достижения других областей научного знания, как смежных, так и относительно удаленных. Это обусловлено решением поставленных перед криминалистической наукой задач, ведь в процессе расследования, особенно в самом начале, следователь действует в условиях неопределенности и отсутствия информации (Бахтеев 2019).

В последующих исследованиях приведенная классификация незначительно уточнялась, однако фактически и другие ученые брали за основу предложенные А. Н. Васильевым науки, т.е. логику, психологию и научную организацию труда. Корректировке подверглись формулировки отдельных видов тактических приемов.

Несмотря на выделение наук, являющихся основой разработки тактических приемов, необходимо признать, что в чистом виде они используются не так часто. На практике при формировании тактических приемов используется комплексный подход, когда применяются знания нескольких наук. В такой ситуации включение определенного тактического приема в одну из выделенных групп осуществляется на основе доминирующей специальной науки, данные которой в большей степени применялись при его разработке.

Впрочем, с логическими приемами, основанными на последовательности суждений в формировании выводов (безусловно, речь идет не о «домыслах», а об умозаключениях), и организационно-управленческими приемами, которые базируются на элементах теории управления, многое очевидно и бесспорно; сложнее дело обстоит с психологическими приемами.

В криминалистической науке используется термин «тактико-психологический прием». Анализ его содержания в имеющихся работах позволяет сделать вывод, что он является абсолютным синонимом понятия «психологический тактический прием».

Вид тактического приема имеет большое значение, так как предопределяет его сущность. От вида тактического приема зависят особенности его применения, которые позволят реализовать его с наибольшей отдачей и эффективностью. Это, в свою очередь, позволит достичь высокой результативности всего следственного действия.

При реализации психологических тактических приемов необходимо иметь в виду ряд обстоятельств, связанных с учетом различных психологических закономерностей и влияющих на наполнение тактического приема, его детализацию. Учет психологических закономерностей, обуславливающих механизм тактического приема, даст возможность применяющему его лицу понять сущность подобного приема. Итогом более глубокого понимания сущности приема будет повышенная эффективность его применения.

Закрепление тактико-психологических приемов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве определяет необходимость разработки рекомендаций, учитывающих их психологическое содержание. Только при соблюдении данного условия достижимы определенные цели уголовного судопроизводства. Кроме того, в некоторых случаях возможно соблюдение истинных требований закона, порой искаженно толкуемых на практике. В итоге разработка научно обоснованных рекомендаций реализации тактико-психологических приемов, закрепленных в уголовно-процессуальных нормах, имеет ярко выраженное прикладное значение. Такой подход особенно важен, если принять во внимание, что качество уголовно-процессуального законодательства напрямую влияет на эффективность деятельности следственных органов в целом (Скуратов 2019).

Реализуемые следователем тактико-психологические приемы, как и другие методы, формируются на основе методов, предлагаемых общей психологией и конфликтологией, но имеют особенности, связанные со сложной прогнозируемостью

психологических особенностей участников уголовного судопроизводства и непредсказуемостью их поведения (Лебедев, Лебедева 2019). Также следует учитывать развитие науки, ее современные тенденции. В частности, некоторые авторы обращают внимание на возможности применения искусственного интеллекта в следственной деятельности, на пример в прогнозировании обстоятельств расследуемого дела (Бахтеев, Евстратова, Степаненко 2020).

При разработке следователем научно обоснованных рекомендаций реализации тактико-психологических приемов необходимо помнить о том, что подобный инструментарий должен обеспечивать охрану прав и свобод участников уголовного судопроизводства (Гриненко и др. 2020).

Известно, например, что с позиции и уголовно-процессуального права, и криминалистики особое доказательственное значение имеет такое следственное действие, как допрос. Данное следственное действие является самым распространенным в уголовном судопроизводстве, без которого немислимо ни одно уголовное дело. Помимо этого, допрос выступает одним из самых психологизированных следственных действий. Часть 2 ст. 189 УПК РФ закрепляет правило, согласно которому при производстве допроса запрещено задавать наводящие вопросы. Закон выразил это правило достаточно точно и определенно, но в данном случае возникает проблема трактовки понятия «наводящие вопросы».

Фактически в данном случае представлен императивный процессуально-тактический прием запрещающего характера, выражающий обязанность лица, производящего следственное действие, воздержаться от постановки наводящих вопросов. Представляется, что данный прием имеет психологическую основу, т.е. психологические закономерности объясняют причину подобного запрета, а также позволяют уточнить его содержание. Следовательно, его эффективное применение возможно только при условии учета этих закономерностей.

Большинство авторов под наводящими понимают вопросы, которые содержат необходимый ответ. Но при решении данной проблемы необходимы четкие научно обоснованные критерии. Криминалистикой разработаны рекомендации по использованию в ходе допроса различных видов вопросов — уточняющих, детализирующих, конкретизирующих, контрольных, косвенных и т.п. В этом случае необходимо четко отграничивать перечисленные виды вопросов от наводящих.

Законодательно закрепленное требование о недопустимости наводящих вопросов обусловлено соблюдением гарантий достоверности результатов допроса. Именно такой подход в определенной степени позволяет избежать недобросовестности со стороны следователя в виде воздействия на допрашиваемое лицо с целью получения показаний, выгодных следствию. Данная гарантия соблюдается и при добросовестности со стороны допрашивающего, так как наводящий характер вопросов способен исказить сведения, сообщаемые очевидцем. Использование подобных вопросов может оказать внушающий эффект на допрашиваемого.

О. Я. Баев и Д. А. Солодов, соглашаясь с точкой зрения В. Ю. Шепитько, указывали, что под наводящими понимаются три типа вопросов: 1) содержащие прямую подсказку, когда внушение прямо направлено на предмет вопроса и совпадает с ним; 2) направленные на характеристику свойств внушаемого представления, на уточнение его деталей; 3) представляющие собой непрямую подсказку, когда они направлены на предмет, лицо, действие, реально существующие, известные следо-

вателю и им названные (Баев, Солодов 2009, 90). В целом приведенные типы вопросов следует признать основой для определения их наводящего характера.

Также при определении наводящего характера вопросов целесообразно использовать данные лингвистики, выделяющей следующие параметры функционального класса наводящих вопросов:

- используются в определенной коммуникативной ситуации, когда лицо, задающее вопросы, обладает запрашиваемой информацией и в его сознании имеется образец необходимых для ответа сведений; задающий вопросы формулирует их таким образом, чтобы получить от собеседника необходимый ответ; кроме того, спрашивающий знает ответ, но при этом ему неизвестно, обладает ли собеседник запрашиваемой информацией;
- имеют присущую только им функцию — стимулирующе-подсказывающую (в том числе функцию коррекции), реализующуюся благодаря спектру частных функций, направленных на исправление неправильного ответа;
- включают в себя разные структурные типы (альтернативные, незавершенные, различные варианты вопросов-повторов и др.) (Галанова 2011).

Поскольку существуют различные структурные типы наводящих вопросов, их особенностью является особая формулировка, искусственно сужающая варианты возможных ответов, порой сводя их до одного возможного.

Опасность наводящих вопросов проявляется также в подверженности допрашиваемого влиянию такой установки, как правота следователя в отношении выясняемых обстоятельств. При неуверенности в определенных сведениях или же и вовсе при отсутствии информации по отдельным фактам допрашиваемый может занять навязанную допрашивающим лицом позицию в силу уверенности в том, что следователь обладает достоверными знаниями относительно обстоятельств дела. Ведь «следователь не будет говорить просто так, и если он о чем-то говорит, то точно это знает».

С точки зрения тактико-психологической составляющей интерес представляют положения ч. 3 ст. 193 УПК РФ. По требованию указанной правовой нормы не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам, иначе объективность его результатов вызывает вопрос. Необходимо обратить внимание на уточнение: именно тем же опознающим и по тем же признакам. Из приведенного уточнения следует, что повторное опознание по иным признакам все-таки возможно. Здесь возникает вопрос установления признаков, по которым осуществляется опознание, как тех же самых или как иных. О. Я. Баев полагает, что повторное опознание возможно, если опознающий первоначально указал определенные признаки и при этом не опознал объект, а впоследствии заявил, что может осуществить опознание, но уже по другим признакам. Об иных признаках он вспомнил позже, уже после производства опознания. Автор этой точки зрения, признавая наличие наводящего характера первоначального проведенного опознания, отмечает, что оценка результатов подобного опознания может иметь спорный характер (Баев 2003, 267).

Подобное предложение крайне спорно. Принимая во внимание особенности опознавательных процессов, отметим, что фактически мысленная идентификация представленного объекта осуществляется с использованием и тех признаков, которые лицо не называет. Данный довод подтвержден психологической наукой.

Основываясь на данном доводе, следует признать, что даже при сообщении опознающим новых признаков, которые, по его утверждению, он вспомнил, повторное опознание проводиться не может.

Как было указано выше, толкование ч. 3 ст. 193 УПК РФ с учетом психологической сущности предъявления для опознания позволяет прийти к выводу о том, что повторное опознание лица или предмета тем же опознающим возможно, но по иным признакам. В данном случае может быть осуществлено производство повторного опознания в случае изменения признаков опознаваемого объекта. В частности, когда опознающий претерпел изменение внешности: после того как очевидец видел опознаваемого, последний существенно изменил прическу, вследствие чего опознающий его не узнал. В подобной ситуации представляется возможным повторно предъявить опознаваемого при условии приведения его в соответствие с первоначальным внешним обликом. При таком условии фактически повторно предъявляется тот же самый объект, который идентифицируется по иным признакам.

Остается дискуссионным вопрос о возможности предъявления для опознания лица после того, как в процессе оперативно-разыскного мероприятия отождествления личности с использованием фотоизображений опознающий узнал опознаваемого. Идентификация лиц и опознание трупов входят в задачи и оперативно-разыскной деятельности, где сущность идентификационной деятельности не раскрыта, что, в свою очередь, вызывает как практические, так и теоретические проблемы (Парфенов и др. 2019).

Порой в научной криминалистической литературе встречаются рекомендации, по своей сути противоречащие требованиям закона, но впоследствии реализуемые в практической деятельности следственных органов по причине того, что следователи и научные работники при формировании криминалистических рекомендаций производства отдельных следственных действий и их осуществлении в следственной деятельности неверно трактуют требования действующего законодательства. Подобные ненадлежащие рекомендации могут быть даны вследствие неверного понимания сущности соответствующего тактико-психологического приема, закрепленного в законе.

Уголовно-процессуальная форма в самом общем виде может быть определена как установленный порядок и условия, в рамках которых осуществляется соответствующая деятельность. В тактико-психологических приемах уголовно-процессуальная форма определяется требованиями закона к производству следственных действий. Но нужно ли отражать тактику в материалах уголовного дела?

Особого внимания в аспекте психологизации следственной деятельности заслуживает крайне неоднозначная следственная практика, выражающаяся в попытке некоторых следователей искусственно и необоснованно облечь тактико-психологическую работу в уголовно-процессуальную форму путем назначения экспертизы.

В качестве примера приведем совершенно беспочвенную, на наш взгляд, практику, когда следователь назначил психолого-лингвистическую экспертизу, получив видеозапись из социальной интернет-сети. На записи происходило сожжение Знамени Победы и был единственный комментарий сжигающих — слово «Привет» в адрес неонацистской организации². Объектами экспертизы стали видеозапись

² Интернет-источник удален в связи с несоответствием требованиям действующего законодательства РФ.

и протоколы допросов обвиняемых. Сознательно не раскрывая обстоятельства и без того известного уголовного дела, а также личностей экспертов, давших заключение об экстремистской направленности действий виновных, зададим вполне закономерные вопросы: зачем нужна такая экспертиза и в чем проявляются специальные знания экспертов, необходимые для обвинения по уголовному делу?

В приведенном случае эксперты осуществили вербализацию увиденного с констатацией дружественного отношения виновных к неонацистской организации (слово «Привет!»), а также усмотрели, исходя из содержания протоколов допросов, совершение обвиняемыми действий по призыву к экстремистской деятельности. Сама по себе идея назначения психолого-лингвистического или чисто психологического исследования протокола допроса либо видеозаписи, не связанного, например, с определением лидерства в группе, недопустимости поведения следователя или самоговора допрашиваемого малопонятна с позиции криминалистической тактики. При этом в криминалистической науке существуют весьма обоснованные и тактически выверенные основания назначения экспертных психологических исследований по уголовным делам (Китаев, Китаева 2002, 12–53).

Такой тактический подход следователя во многом мотивирован желанием усилить доказательственное значение вполне очевидных результатов следственных действий. С нашей точки зрения, тактический прием, как и в целом тактика осмотра видеозаписи, допроса обвиняемых, не требует дополнительного искусственного облечения в уголовно-процессуальную форму. От подобных ситуаций предостерегал еще Р. С. Белкин, указывая, что процессуальная форма может создавать видимость предоставления криминалистической тактике мнимого содержания (Белкин 2001, 203).

В правоприменительной деятельности нередко встречается и формальный подход к производству следственных действий, в результате которых не реализуется соответствующий тактико-психологический потенциал. Например, зачастую в деятельности следственных наблюдается формальное производство очной ставки без достижения цели данного следственного действия, определенной законом, т. е. без устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Полагаем, что при таком подходе по уголовному делу нарушается вполне обоснованная рекомендация о том, что при производстве по уголовному делу не должно быть информационного шума; кроме того, в суд необходимо представить такой объем доказательств, который позволил бы делать вывод о полноте расследования (Брянская, Самарин 2019).

При таком подходе к производству очной ставки следователи преследуют не предусмотренные законом цели, например, фактически формируется возможность оглашения показаний не явившегося свидетеля в суд при последующем рассмотрении дела в суде. Поскольку подобное явление, связанное с неявкой свидетелей в суд, достаточно распространено, впоследствии сторона обвинения сталкивается со сложностями в рассмотрении дела, так как оглашенные показания могут ограниченно использоваться с целью доказывания вины подсудимого, если ему не была предоставлена возможность оспорить показания свидетеля на досудебных стадиях производства. В подобной ситуации очная ставка решает проблему, так как подсудимому такая возможность формально была предоставлена. Но в действительности лицо, которое впоследствии становится подсудимым, на момент производства

следственного действия не предполагает истинную цель очной ставки и в итоге не может в полной мере воспользоваться правом оспорить показания против себя. Как итог, осуществляется формальное соблюдение правовой нормы в отсутствие реальной тактической необходимости для надуманного решения задач, стоящих перед предварительным расследованием.

При производстве очной ставки реализуется социально-психологический эффект ингибции (социального торможения). Данный эффект проявляется в негативном изменении активности личности под воздействием присутствия других людей. Но часто подобные эффекты не учитываются, и в результате не достигается главная цель очной ставки — устранение противоречий в ранее данных показаниях разных лиц. В итоговых процессуальных актах отражается лишь дублирующая интерпретация уже полученных в ходе предшествующих допросов результатов, когда следователь в обвинительном заключении или судья в приговоре закрепляет, что один из участников в ходе очной ставки подтвердил ранее данные показания (т. е. фактически сообщил сведения), что соответствует позиции стороны обвинения.

Сходная ситуация возникает с производством проверки показаний на месте, когда имеющиеся тактико-психологические приемы остаются нереализованными в связи с применяемым формальным подходом, так как проверка показаний проводится в большинстве случаев с подозреваемым или обвиняемым, давшим признательные показания. Впоследствии такие подозреваемые или обвиняемые оспаривают достоверность сообщенных признательных показаний как данных с принуждением. В данном случае также формируется негативная тенденция дополнительного искусственного формирования доказательственной базы, по внешним признакам соответствующей требованиям закона. Усиление же доказательственного значения собственного признания осуществляется в присутствии понятых либо с применением технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, по усмотрению следователя. Станным также выглядит и производство проверки показаний на месте, механически повторяющей результаты ранее произведенного допроса и следственного эксперимента. Внешне такие действия следователя могут казаться вполне законными, но будут ли они способствовать установлению истины по делу и, как следствие, вынесению справедливого приговора? (Манова, Баранова 2019)

Осознавая современную тенденцию к формированию новой стратегии научной организации труда следователя в условиях развития цифровых технологий (Зайцев, Пастухов 2019), считаем важным не терять психологическую составляющую в работе следователя.

3. Выводы

Формулируемые криминалистикой не противоречащие закону тактико-психологические приемы должны уточняться, вдумчиво наполняться научно обоснованным содержанием и направляться на апробацию правоприменительной практикой. Именно такая задача стоит перед криминалистической тактикой. При этом необходимо осознавать процессуальную самостоятельность следователя, в содержание которой входят его собственное мнение, убеждение и совесть. Только при соблюдении этого условия возможна организация тактически взвешенной работы следователя, осуществляющего производство по уголовному делу.

Рассматривая проблему шире, согласимся с мнением Е. П. Ищенко и В. Д. Кормы: нормы законодательства, как бы ни конкретизировали и ни детализировали общественные отношения, представляют собой абстрагированные от ситуационной конкретики информационные модели (Ищенко 2016). Продолжая изложенную мысль, считаем, что вряд ли требуется отражать каждый тактический прием на законодательном уровне или доказывать обоснованность его применения путем назначения экспертизы, производства очной ставки без существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, повторного опознания по искусственно измененным условиям, т. е. создавать «доказательство» из доказательства.

Библиография

- Баев, Олег Я. 1977. *Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон*. М.: Издательство Воронежского университета.
- Баев, Олег Я. 2003. *Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика*. М.: Экзамен.
- Баев, Олег Я., Денис А. Солодов. 2009. *Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации*. М.: Эксмо.
- Бахтеев, Дмитрий В. 2019. «Причинность и случайность как объекты восприятия в структуре криминалистического мышления». *Всероссийский криминологический журнал* 13 (2): 252–261. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).252-261](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261).
- Бахтеев, Дмитрий В., Юлиана А. Евстратова, Диана А. Степаненко. 2020. «Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности». *Всероссийский криминологический журнал* 14 (2): 206–14. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(2\).206-214](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214).
- Белкин Анатолий. Р. 1999. *Теория доказывания*. М.: Норма: Инфра-М.
- Белкин, Рафаил С. 2001. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня*. М.: Норма: Инфра-М.
- Брянская, Елена В., Вадим И. Самарин. 2019. «Заключение эксперта и показания свидетелей как ключевые доказательства по уголовным делам о доведении до самоубийства». *Всероссийский криминологический журнал* 13 (6): 971–979. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).971-979](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).971-979).
- Васильев, Александр Н. 1976. *Следственная тактика*. М.: Юридическая литература.
- Винберг, Абрам И. 1965 «О научных основах криминалистической тактики». *Правоведение* 3: 78–83.
- Галанова, Екатерина М. 2011. «Функциональные типы наводящих вопросов». *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация* 2: 129–133.
- Головин, Александр Ю. 2002. *Криминалистическая систематика*. М.: ЛексЭст.
- Гриненко, Александр В., Георгий А. Гуджабидзе, Василий Д. Потапов, Николай С. Железняк. 2020. «Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства». *Всероссийский криминологический журнал* 14 (1): 139–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).139-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(1).139-147).
- Зайцев, Олег А., Павел С. Пастухов. 2019. «Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой информации». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 46: 751–776. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-752-777>.
- Ищенко, Евгений П., ред. 2016. *Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития*. М.: Проспект.
- Китаев, Николай Н., Валентина Н. Китаева. 2002. *Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы*. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права.
- Лебедев, Николай Ю., Юлия. В. Лебедева. 2019. «Управленческие компетенции следователя и особенности их реализации при расследовании преступлений». *Всероссийский криминологический журнал* 13 (6): 1017–1024. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).1017-1024](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).1017-1024).
- Манова, Нина С., Марина А. Баранова. 2019. «Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 45: 564–593. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-564-593>.

- Парфенов, Александр В., Николай В. Павличенко, Юлия А. Лапунова, Александр Ф. Шуплецов. 2019. «Гносеологическая природа розыскной и идентификационной деятельности». *Всероссийский криминологический журнал* 13 (2): 243–251. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).243-251](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).243-251).
- Скуратов, Юрий И. 2019. «Современные проблемы реформирования предварительного расследования в Российской Федерации». *Всероссийский криминологический журнал* 13 (3): 477–488. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).477-488](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).477-488).

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2021 г.;
рекомендована к печати 10 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Низамов Вячеслав Юрьевич — канд. юрид. наук, доц.; v.nizamov@spbu.ru
Егереv Иван Михайлович — канд. юрид. наук; egerevim@mail.ru

Trends in the use of tactical techniques in the preliminary investigation

V. U. Nizamov¹, I. M. Egerev²

¹ St Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

² Law Office Egerev I. M., Bar Chamber of the Moscow Region,

13–30, ul. Komsomolskaya, Reutov, Moscow region, 143964, Russian Federation

For citation: Nizamov, Viacheslav U., Ivan M. Egerev. 2022. “Trends in the use of tactical techniques in the preliminary investigation”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 70–82. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.104> (In Russian)

This article deals with the implementation of achievements of criminalistic tactics in investigative activities, which find their expression in the developed tactical techniques for the production of certain investigative actions. Tactical techniques have been the subject of research for a long time yet while there is still no single approach to this category. In particular, there is no uniformity in proposed definitions of this concept, criteria for its admissibility, etc. It is noted that in forensic science, a fairly large number of different grounds for classifying tactical techniques have been proposed. One of the most common grounds for dividing tactical techniques is such a feature as the applied type of special sciences that were used in their development. In the classification according to the specified criterion, special attention is paid to tactical and psychological techniques, that is, based on provisions of psychology. Taking into account the fact that a number of tactical and psychological techniques are enshrined in the current criminal procedure legislation, it becomes necessary to develop recommendations that take into account their psychological content. Only if this condition is met will the established goals of criminal proceedings be attainable. The features of the use of tactical and psychological techniques during interrogation, face-to-face confrontation, and presentation for identification are considered. Such features, among other things, are due to the need to ensure the protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings. Deviations from forensic recommendations are indicated, when the available tactical and psychological techniques remain unrealized due to the applied formal approach.

Keywords: interrogation, forensic tactics, classification of tactical techniques, confrontation, preliminary investigation, presentation for identification, investigative action, tactical and psychological technique, tactical technique.

References

- Baev, Oleg Ia. 1977. *Forensic tactics and the criminal procedure law*. Moscow, Voronezhskii universitet Publ. (In Russian)
- Baev, Oleg Ia. 2003. *Tactics of criminal prosecution and professional protection from it. Investigative tactics*. Moscow, Ekzamen Publ. (In Russian)
- Baev, Oleg Ia., Denis A. Solodov. 2009. *Production of investigative actions: A forensic analysis of the Criminal Procedure Code of Russia, practice, recommendations*. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Bakhteev, Dmitrii V. 2019. "Causality and randomness as objects of perception in the structure of criminalistic thinking". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 13 (2): 252–261. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).252-261](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).252-261). (In Russian)
- Bakhteev, Dmitrii V., Iuliana A. Evstratova, Diana A. Stepanenko. 2020. "The use of artificial intelligence systems in law enforcement". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 14 (2): 206–214. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(2\).206-214](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214). (In Russian)
- Belkin Anatoly, R. 1999. *Theory of proof*. Moscow, Norma: Infra-M Publ. (In Russian)
- Belkin, Rafail S. 2001. *Criminalistics: Problems of today*. Moscow, Norma: Infra-M Publ. (In Russian)
- Brianskaia, Elena V., Vadim I. Samarin. 2019. "Expert opinion and witness testimony as key evidence in criminal cases about bringing to suicide". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 13 (6): 971–979. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).971-979](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).971-979). (In Russian)
- Galanova, Ekaterina M. 2011. "Functional types of leading questions". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* 2: 129–133. (In Russian)
- Golovin, Aleksandr Iu. 2002. *Forensic taxonomy*. Moscow, LeksEst Publ. (In Russian)
- Grinenko, Aleksandr V., Georgii A. Gudzhabidze, Vasily D. Potapov, Nikolay S. Zheleznyak. 2020. "Categories of rights and legitimate interests of the individual and their use in the field of criminal justice". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 14 (1): 139–147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(1\).139-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(1).139-147). (In Russian)
- Ishchenko, Evgenii P., ed. 2016. *Criminalistics of the 21st century: Strategy and tactics of development*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Kitaev, Nikolai N., Valentina N. Kitaeva. 2002. *Expert psychological research in the criminal process: Problems, practice, prospects*. Irkutsk, Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava Publ. (In Russian)
- Lebedev, Nikolai Iu., Iuliia V. Lebedeva. 2019. "Managerial competencies of the investigator and the features of their implementation in the investigation of crimes". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 13 (6): 1017–1024. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).1017-1024](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).1017-1024). (In Russian)
- Manova, Nina S., Marina A. Baranova. 2019. "Principles of criminal justice as the embodiment of the moral foundations of criminal procedure". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 45: 564–593. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-564-593>. (In Russian)
- Parfenov, Alexander V., Nikolai V. Pavlichenko, Yulia A. Lapunova, Alexander F. Shupletsov. 2019. "Epistemological nature of search and identification activities". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 13 (2): 243–251. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).243-251](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).243-251). (In Russian)
- Skuratov, Iurii I. 2019. "Modern problems of reforming the preliminary investigation in the Russian Federation". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 13 (3): 477–488. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).477-488](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).477-488). (In Russian)
- Vasil'ev, Aleksandr N. 1976. *Investigative tactics*. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ. (In Russian)
- Vinberg, Abram I. 1965 "On the scientific foundations of forensic tactics". *Pravovedenie* 3: 78–83. (In Russian)
- Zaitsev, Oleg A., Pavel S. Pastukhov. 2019. "The formation of a new strategy for the investigation of crimes in the era of digital transformation". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 46: 751–776. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-46-752-777>. (In Russian)

Received: February 1, 2021
Accepted: December 10, 2021

Authors' information:

Vlacheslav U. Nizamov — PhD in Law, Associate Professor; v.nizamov@spbu.ru
Ivan M. Egerev — PhD in Law; egerevim@mail.ru